

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

1984

Советская этнография, 1984, № 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

яющейся теперь в основном лишь в культуру рядовых классов общества, эксплуатируемых масс. Обособление культуры господствующего класса имеет место в сфере материальной, так и духовной жизни общества. В последней появление цивилизации выражается прежде всего в возникновении письменности.

Буганда этот порог еще не перешагнула. Если бы было исключено влияние со стороны более развитых обществ, она в конечном счете превратилась бы в подлинно классовый социальный организм, по всем своим основным чертам тождественный с египетским, а затем Древними царствами Египта.

Буганда и Древний Египет представляют один из двух основных вариантов становления и развития первой в истории человечества классовой общественно-экономической формации — политарной. К нему относятся также общество Древнего Китая, Древнего царства, империя инков. Самый яркий пример второго основного варианта — города-государства Древнего Шумера. В этнографии он представлен классовым обществом городов-государств йоруба, какими они были еще в XIX в. «Египетский» и «шумерский» варианты становления классового общества — первичные, которые возможны в условиях, когда никаких сложившихся классовых структур не существует либо вообще на земном шаре, либо в данном регионе. Все главные варианты становления классового общества прямо или косвенно связаны с влиянием уже сложившихся классовых обществ.

Как явствует из сказанного, в рецензируемой работе имеется немало спорных положений, что, на наш взгляд, является не недостатком ее, а наоборот, огромным достоинством. Интересная и умная книга Э. С. Годинер вносит существенный вклад в разработку проблемы становления классов и государства.

Ю. И. Семенов

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

утилов Б. Н. Песни Южных морей. М.: Наука, 1978. 193 с.; его же. Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. М.: Наука, 1980. 383 с.; его же. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М.: Наука, 1981. 213 с.; Человек с Луны. Дневники, статьи Миклухо-Маклая/Сост., коммент. и послесловие Путилова Б. Н. М.: Молодая гвардия, 1982. 336 с.; *Putilov B. N. Nikolai Miklouho-Maclay. M.; Progress, 62.*

На протяжении последних пяти лет Б. Н. Путилов опубликовал несколько книг, тесно связанных регионально и тематически. Первые две из них посвящены фольклору и мифологии Океании, и прежде всего крупнейшего острова этого обширного культурно-исторического мира — Новой Гвинеи. Три последующие книги рассказывают о замечательном исследователе коренного населения этого острова — Н. Н. Миклухо-Маклае. В 1971 г. автор этих книг принял участие в экспедиции, посетившей в числе других островов Океании и Берег Маклая на Новой Гвинее; во время этой экспедиции ему удалось собрать много магнитофонных записей океанийского фольклора.

Книга «Миф — обряд — песня Новой Гвинеи» вышла в серии «Исследования по фольклору и мифологии Востока», публикуемой Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» и отмеченной многими первоклассными трудами, составившими заметное явление в развитии советской и мировой науки (книгами Е. М. Мелетинского, В. Я. Проппа, О. М. Фрейденберг и др.). Создание этой серии — большая заслуга Главной редакции восточной литературы. Книга Б. Н. Путилова является, подобно другим изданиям этой серии, во многом необычной и новаторской, что и выделяет ее среди других исследований фольклора и мифологии Новой Гвинеи.

Автор подходит к первобытному фольклору коренного населения Новой Гвинеи как к «своеобразнейшему феномену культуры» с характерным для него синкретизмом. Сложными функциональными связями (с. 12). Эти связи распространяются за пределы собственно фольклора, в другие сферы духовной и общественной жизни, образуя широкую сеть цельной синкретической культуры, свойственной этому уровню социального развития, что и составляет одну из главных его особенностей. Книга Б. Н. Путилова ориентируется на анализ этой системы связей между фольклором, мифом и обрядовой жизнью новогвинейцев. Анализ начинается с мифологии как наиболее фундаментального явления духовной жизни. Особое место и значение первобытной мифологии состоит в том, что она отражает общественное сознание в его целостности. Мифологическая система носит всеохватывающий характер, глубоко и разносторонне проникает во все сферы жизни, быта, культуры, сознания, служит важным регулятором социальных связей и поведения. Автор высказывает верное наблюдение, что «в то время как повествовательный миф обращен, как правило, к далекому прошлому и воспроизводит эпизоды истории, принадлежащей мифическому времени, миф, воссоздаваемый в ритуальных формах, как бы размывает временные границы, переносит события прошлого в сегодняшний день» (с. 15). Но едва ли справедливо утверждение, что конечные рубежи мифического времени определяются «временем установления данной этнической общности» (с. 16). Сам факт «размывания» временных границ, отмеченный автором, показывает, что этих рубежей, собственно, не существует и что мифическое время парадоксально

«безвременю» и вторгается в настоящее как живая реальность. В этой связи особый интерес представляют мифы творения макромира (космоса) и микромира (этнических общностей, культурных благ и т. д.), мифы о творцах, демиургах и культурных героях («Весь видимый предметный мир ... мифология описывает как продукцию творения» (с. 28), и в этом состоит одна из примечательных особенностей первобытного сознания. Первосоздатели-демиурги, мифологические и тотемические предки стоят и у колыбели самого человеческого общества.

Определенную трудность представляет проблема вычленения мифа из общей массы устных рассказов, обращающихся в данном коллективе. «Наиболее очевидным дифференцирующим началом является практика, хозяйственная и социальная включенность мифов», — полагает автор. «То, что не включено в практику, не связано с ритуальной обрядовой, магической деятельностью, не служит объяснению настоящего состояния: в природе, в сфере производства, быта, социальных отношений, не является собственным мифом» (с. 74). Иное отношение у творцов фольклора к рассказам, не входящим в сакально-ритуальную систему. Вместе с тем характерная черта вообще первобытного фольклора — невычлененность или неполная вычлененность этих рассказов из мифологической системы (с. 78). Заслуга автора состоит в том, что он отмечает это принципиально важное положение, иллюстрируя его фольклорным материалом, занимающим условно говоря, некое промежуточное положение между мифом и «не мифом».

Большой и содержательный раздел книги посвящен ритуально-обрядовой жизни новогвинейцев, чрезвычайно насыщенной и многообразной, в ходе которой происходит взаимопроникновение действительности, обыденной и мифологической. «Время и события, которые в нарративной форме воспринимались как прошлое, оказываются совмещенными с настоящим» (с. 91) — архаическая и вместе с тем универсальная черта, разделяющая папуасов, например, с австралийцами. Через обрядность, связанную с танцами в масках, музыкой, драмой, мы вступаем в сложный мир духовного творчества во всей его полноте, и глава эта вводит нас в центральный раздел книги, посвященный песне. Здесь выясняется, что важнейшая особенность новогвинейской песни — функциональная связь и в то же время обусловленность ее цикличностью жизни и деятельности коллектива. Жители Новой Гвинеи, по словам автора, не пели «просто так». Художественные особенности песен неотделимы от их функциональности. При этом внепесенная связь — почти всегда связи обрядовые: песня соотнесена с жизненной ситуацией непосредственно, но через обряд, а исполнение песни — само по себе некий обрядовый акт. Для новогвинейского фольклора характерна органическая включенность песни в определенный обрядовый комплекс. Наблюдение очень интересное, и было бы полезно и важно проверить его на материалах по другим архаическим культурам. Охарактеризованное явление реализуется в условиях и манере исполнения песен, их тексте, типичной приуроченности к различным ситуациям и т. д. Песня не мыслится вне обряда, но обряд невозможен без традиционно предназначенной ему песни, утверждает автор (с. 167). И все же новогвинейский фольклор знает песни, не включенные в обряд и распространенные сопровождающие те или иные жизненные ситуации, например, разнообразные трудовые песни. Сам автор приводит немало подобных примеров. Он описывает их в следующих словах: «Песня становится универсальным, едва ли не обязательным элементом всего бытового, производственного, ритуального комплекса» (с. 205). И это совершенно справедливо. Вместе с тем и трудовые песни зачастую имеют магическую направленность, что должно способствовать успешному осуществлению тех или иных действий.

Большой интерес представляет характеристика песенного текста (и отдельных слов) как некоего шифра, символа, несущего в себе скрытые магические и мифологические пласты. Вся глубина значений лежит за текстом. И в связи с этим мы вспоминаем иную область архаической культуры — изобразительное искусство, где изобразительный элемент и совокупность элементов, подобно слову и тексту в устном творчестве, нередко столь же многозначны и символичны; особенно характерно это для одной из самых архаических культур — культуры аборигенов Австралии.

Самостоятельная глава рассказывает о роли музыкальных инструментов в ритуально-мифологическом комплексе. Премущественное внимание уделено сакальным инструментам, характеризующимся «органической включенностью в социально-ритуальную практику» (с. 245). Заключительные главы книги посвящены наиболее важным культам Новой Гвинеи и роли мифа и песни в связанных с ними обрядах. Одним из самых развитых и распространенных является культ умерших; он находит свое выражение в комплексе представлений о смерти, судьбе умерших и их взаимоотношениях с миром живых, в системе обрядов, связанных с погребением, и в других обрядах производственно-магического и общественного характера. Особое место в ритуально-мифологическом и магическом комплексе занимает культ плодородия, генетически один из самых ранних в религиозно-обрядовой практике человечества, ибо на него возлагалась важнейшая задача — обеспечить воспроизводство природного мира и тем самым дальнейшее существование самого человеческого общества. Едва ли поэтому можно полностью принять понимание автором новогвинейского культа плодородия как «нового этапа в эволюции представлений о мире, природе и обществе», генетически связанного, однако, с предшествующими охотничьими культами и тотемизмом (с. 303). Новым является по существу наполненность древнего культа плодородия новым содержанием связанным с земледелием и потому теснейшим образом переплетенным с собственными аграрными культами и обрядами. Весьма важная черта культа плодородия, указывающая на его глубокую древность, — связь его с обрядами инициации. Связь эта не случайная: глубинная идейная основа и направленность культа плодородия и обрядов инициации во многом едины. Естественно поэтому, что обряды инициации рассматриваются в книге непосредственно за культом плодородия и заключают ее. А вся книга в

прекрасно демонстрирует одну из главных особенностей культуры архайского общества — теснейшую взаимосвязь и взаимодействие различных ее элементов, образных особей, непривычный для нас социальный и духовный мир.

Книга «Песни Южных морей» в отличие от предыдущей обращена к массовому материалу. Она посвящена песенному фольклору народов Океании в целом (Новая Гвинея, Полинезия, Меланезия, Микронезия) и его современным судьбам. Связи с мифологией и другими ранними формами общественного сознания автор стремится раскрыть здесь. И не менее выпукло, чем в предыдущей книге, выступает следующее важное для архайского культуры: песня, музыка, драма, изобразительное искусство пронизывают и всю общественную жизнь, и трудовую деятельность людей и играют в фольклоре принципиально отличную от той, которая свойственна иным уровням развития жизни не только необходимую для самого существования общества. Песня здесь не исключение, она «составляет необходимую и даже обязательную часть общего дела» (с. 18). В книге немало интересных и важных наблюдений: о неповторимом «стиле» фольклорной культуры и органической включенности, погруженности фольклора и духовного творчества в целом в особый мир ее образов и символов; о самодостаточности текстов, которые заимствуются у соседей и затем включаются в контекст иной культуры исполняются на чуждом языке, несущем некий таинственный смысл (подобное явление хорошо известно аборигенам Австралии и некоторым другим народам); о роли оданных, творческих личностей в архайских культурах и вообще о выдающемся значении индивидуального творчества в них (здесь материал для дискуссии о соотношении родовых и индивидуальных истоков творчества в этих культурах). Символизм, многозначность маорийских песен (где, например, гора, озеро, река — способ идентификации отдельных групп) вновь возвращают нас к проблеме параллелизма способов выражения устного и изобразительного творчества.

Обширный материал книги распределен следующим образом: циклы трудовые, сезонные, общественные; лишь внутри циклов соблюден региональный принцип, и такой же систематизации материала вполне целесообразно. Перед читателем проходит этно-музыкальный фольклор Океании в его соотношении с различными сферами жизни. Самостоятельные главы посвящены мифологическому эпосу, героическому эпосу циклов мореплавателей древности, героическим племенным песням. В главе о песнях трудовых, приуроченных к последовательным этапам труда земледельца, хорошо показана иная, параллельная и органически связанная с первой приуроченность песен к этапам земледельческой магии, к которой люди относятся как к деятельности, столь значимой и важной, как и труд на земле. То же свойственно и многим песням, связанным с рыбной ловлей, охотой на морских животных, строительством жилищ и лодок. «Обыденное как будто дело — поймать черепаху — благодаря песне приобретает характер исключительного события, в которое оказываются вовлеченными мифологические силы и которое демонстрирует могущество и особое искусство охотника» (с. 27). Все в этих словах автора не вырисовывается совсем особый мир, где простой акт охоты становится узлом, куда сходятся нити из многих сфер культуры, с прагматической точки зрения, казалось бы, совсем необязательных, но для человека данной культуры исполненных глубочайшего значения? Песни семейные и общинно-родовые составляют важнейшие в жизни человека и общества обряды перехода из одного социального статуса в другой, а затем и в иной мир. Особое место среди событий этого мира занимают обряды инициации. Большое социально-идеологическое значение приписывается в этом обществе и межиндивидуальному, межобщинному и межплеменному обмену, отчего и акт обмена приобретает характер сложного ритуала. Однако наивысшая форма традиционной общественной обрядности в Океании — массовые обряды с участием сотен людей, длящиеся неделями, а то и месяцами. Мифологический эпос народов Океании прослеживается в книге от типологически наиболее ранних его форм, древнейших народов Новой Гвинеи, где мифология концентрируется вокруг культуры героев и культурных героев. На другом полюсе — полинезийские песни о легендарных мореплавателях, проникнутые высокой поэзией и пафосом великих открытий. Большой интерес представляют завершающие книгу непосредственные впечатления автора от встреч с народными исполнителями Океании.

Следующие три книги Б. Н. Путилова посвящены Н. Н. Миклухо-Маклаю, выдающемуся путешественнику, ученому и борцу за равноправие народов. О Миклухо-Маклае написано немало в нашей стране и за рубежом, опубликованы его труды, дневники, воспоминания, переписка. И все же книга Б. Н. Путилова «Николай Николаевич Миклухо-Маклай» занимает в этом ряду особое и достойное место. Ее подзаголовок — «Страницы биографии» говорит о том, что автор не ставил своей целью рассказать о всей жизни ученого. Она концентрирует наше внимание на другом — на его личности, его общественном облике и общественной деятельности; он показан в критические периоды жизни, в труднейших испытаниях. Миклухо-Маклай был одним из самых необычайных людей своего времени, и таким его увидели наиболее пронизательные его современники. Он, по словам автора, исходил из идеи, «согласно которой в первобытном обществе действуют и имеют ценность те же положительные нормы и понятия, что и в обществе цивилизованном» (с. 17). — идея, которая и до сих пор многим кажется чуждой. К первобытному обществу он подходил без предвзятых теоретических схем, умозрительных интерпретаций (с. 17). Б. Н. Путилов считает, что Миклухо-Маклай поставил необычайный для того времени эксперимент адаптации к первобытной среде (с. 23). В книге есть смелая и убедительная попытка взглянуть на ситуацию «Миклухо-Маклай и первобытный мир» глазами людей этого мира. В сознании папуасов с именем Маклая особый образ, в котором представление о реальном человеке переработано в духе традиционной мифологии. Историческая личность обрела черты культурного героя. Этот факт, столь важный для понимания первобытного сознания, имеет очень

немного аналогий; одна из них — своего рода обожествление племенем тасада-никами и собирателями каменного века на Филиппинах, этнографа, открывшего эти люди, принесшего им культурные блага¹.

Большой, ранее почти неизвестный широкому читателю документальный материал освещает связи Миклухо-Маклая с деятелями русской культуры XIX в., передовую русскую общественность. Особенного внимания заслуживают высказывания Миклухо-Маклая, взятые из его писем, где отразились его нравственные принципы (с. 100—102) не менее интересные скрупулезно собранные воспоминания современников, характеризующие личность ученого. Впервые подробно освещена важная в историко-литературном и социально-этическом планах тема: отношения Л. Н. Толстого и Н. Н. Миклухо-Маклая. Они никогда не видели друг друга, но нравственный подвиг путешественника и ученого, его личность произвели большое впечатление на великого писателя и мыслителя и отразились в его творчестве, а переписка с Толстым оказала влияние на Миклухо-Маклая.

На страницах книги Миклухо-Маклай предстает как требовательный к себе автор, мы видим его в работе над главным делом его жизни — трудом, обобщающим его научные открытия, — делом, которое ему так и не суждено было завершить. Невозможно без волнения читать заключительную главу книги о последних годах жизни путешественника и ученого, его женитбе, возвращении в Россию; болезни и смерти. Здесь, в этой главе, впервые на русском языке публикуется документ исключительной ценности — дневник жены Миклухо-Маклая Маргариты.

В книге Б. Н. Путилова органически слиты два качества, что, к сожалению, встречается не часто, — строгая научность и в то же время эмоциональность и человечность. Следует отметить большую источниковедческую работу автора: мобилизованы различные исторические материалы, как опубликованные, так и находящиеся в архивах. Часть этих источников еще не использовалась в биографической литературе о Миклухо-Маклае. Отражение этой работы — большая и очень ценная библиография, приложенная к книге. И вместе с тем автору удалось со всей непосредственностью и убедительностью донести до нас живой, волнующий образ Миклухо-Маклая человека.

Вторая книга Б. Н. Путилова на ту же тему опубликована на английском языке и предназначена главным образом для зарубежного читателя. Это не перевод первой книги, а совершенно новый труд. В ней автор поставил цель рассказать о жизни Миклухо-Маклая более полно и подробно. Здесь обстоятельнее, чем ранее, излагается история путешествий Миклухо-Маклая, больше внимание уделено его деятельности, направленной на защиту коренного населения Новой Гвинеи от колониальных держав. Из последней главы читатель узнает о том, что представляет собою Берег Маклая сегодня, столетие спустя после Миклухо-Маклая; в ней рассказано также о большом живом интересе к личности ученого и его научному наследию в нашей стране и за рубежом. Книга, подобно предыдущей, обладает большими литературными достоинствами, она хорошо иллюстрирована. В распоряжении зарубежного читателя уже имеются издания, посвященные Миклухо-Маклаю, но с книгой Б. Н. Путилова он получил материалы и сведения, прежде ему недоступные или малоизвестные.

И наконец, книга «Человек с Луны», предназначенная прежде всего для молодых читателей: ее, несомненно, с интересом прочитают люди любого возраста. Здесь собраны путевые заметки Миклухо-Маклая, статьи, фрагменты из писем. Все это — документы, для широкого читателя труднодоступные и в то же время имеющие большую познавательную ценность, вошедшие в золотой фонд мировой литературы путешествий. Сборник составлен и прокомментирован Б. Н. Путиловым, снабжен послесловием. Здесь мы снова находим глубокую характеристику научного метода Миклухо-Маклая: «Как ученый он не давал воли фантазии, — пишет Б. Н. Путилов, — не занимался конструкциями и редко строил гипотезы... Строго реалистическая позиция Миклухо-Маклая... уберегала от скороспелых выводов, заставляла следовать не популярным теориям, а фактам, приводила к результатам точным, хорошо обоснованным, надежным» (с. 309). Центральное место в книге занимают рассказы путешественника о его пребывании на Берегу Маклая и о взаимоотношениях с паукасами. Символично, что книга открывается известным письмом Л. Н. Толстого Н. Н. Миклухо-Маклаю от 2 сентября 1886 г. и его ответным письмом. Слова Толстого звучат здесь как эпитафия жизненному пути ученого.

Публикуя дневник первого пребывания Миклухо-Маклая на Берегу Маклая, составитель делает следующее знаменательное примечание: «Дневник сверен по рукописи, приготовленной Н. Н. Миклухо-Маклаем к печати, но не увидевшей свет при его жизни. Публикации дневника начиная с издания 1923 года многократно редактировались, при этом нарушался не только стиль автора, но и подчас и смысл отдельных выражений» (с. 8). Таким образом, перед нами первое аутентичное издание этого замечательного документа, правда, с некоторыми сокращениями в тексте. К сказанному остается лишь добавить, что книги Б. Н. Путилова, посвященные Н. Н. Миклухо-Маклаю, выполнены на таком же высоком научном уровне и обладают теми же литературными достоинствами, что и его исследования, обогатившие наши знания о духовной жизни первого русского общества.

В. Р. Куд

¹ Nance J. The Gentle Tasaday. A Stone Age People in the Philippine Rain Forest, 1975.